№ 4 (8)

ISSN 1829-4820

Филиал МГУ имени М.В.Ломоносова
в г. Ереване

ՌՈՒՍԱԳԻՏՈՒԹՅԱՆ ԱՐԴԻ ՀԻՄՆԱԽՆԴԻՐՆԵՐԸ

Գիտամեթոդական հանդես

ПРОБЛЕМЫ СОВРЕМЕННОЙ РУСИСТИКИ

Научно-методический журнал

MAIN ISSUES IN MODERN RUSSIAN STUDIES

Scientific Methodological Journal

ЕРЕВАН 2019

Երևան քաղաքում Մոսկվայի Մ.Վ. Լոմոնոսովի անվան պետական համալսարանի մասնաճյուղ

Филиал Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова в г. Ереване

M. Lomonosov Moscow State University, Yerevan branch

ՌՈՒՍԱԳԻՏՈՒԹՅԱՆ ԱՐԴԻ ՀԻՄՆԱԽՆԴԻՐՆԵՐԸ

Գիտամեթոդական հանդես

ПРОБЛЕМЫ СОВРЕМЕННОЙ РУСИСТИКИ

Научно-методический журнал

MAIN ISSUES IN MODERN RUSSIAN STUDIES

Scientific Methodological Journal

4 (8)

ԵՐԵՎԱՆ 2019
ЕРЕВАН 2019
YEREVAN 2019

Երաշխավորվել է տպագրության Երևան քաղաքում Մոսկվայի Մ.Վ.Լոմոնոսովի անվան պետական համալսարանի մասնաճյուղի գիտական խորհրդի կողմից

Печатается по решению Ученого совета филиала Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова в г. Ереване

Reprinted by decision of the Academic Council of the branch of the Moscow State University M.V. Lomonosov in Yerevan

«ՌՈՒՍԱԳԻՏՈՒԹՅԱՆ ԱՐԴԻ ՀԻՄՆԱԽՆԴԻՐՆԵՐԸ» գիտամեթոդական հանդեսի առաքելությունը ՀՀ-ում ռուսագիտության՝ որպես լեզվաբանության ճյուղի մասսայականացումն է, ռուսաց լեզվի ուսումնասիրման նկատմամբ հետաքրքրություն առաջացնելը, օտարերկրյա հետազոտողների ուշադրությունը հայ գիտնականների մշակումներին հրավիրելը, դրանով իսկ հայ ռուսագիտության մասսայականացումն է, համատեղ ծրագրերի, դրամաշնորհների մշակման հնարավորության ընձեռումը, մագիստրոսների ներգրավումը հետազոտական աշխատանքներին:

Назначение научно-методического журнала «**ПРОБЛЕМЫ СОВРЕМЕННОЙ РУСИСТИКИ**» рассматривается нами в ракурсе популяризации в РА русистики как отрасли языкознания, привлечения интереса к изучению русского языка, привлечения внимания зарубежных исследователей к разработкам армянских ученых и тем самым популяризации армянской русистики, возможности разработки совместных проектов, грантов и пр., привлечения магистрантов к научно-исследовательской работе.

ПРОБЛЕМЫ СОВРЕМЕННОЙ РУСИСТИКИ // Научно-методический журнал, №4 (8). / Глав. ред. Саркисян И.Р.; сост.: Акопян А.С. – Ереван: Изд-во МГУ, 2019. – 148 с.

ISSN 1829-4820

ORCID: 0000-0001-9263-6791

© Филиал МГУ им. М.В. Ломоносова в г. Ереване

Հասցե՝ ՀՀ, Երևան, Վարդանանց 17, հեռ՝ (+37411) 900 110 – 101, 102:
Наш адрес: РА, г. Ереван, ул. Вардананц 17; тел. (+37411) 900 110 – 101, 102.
Address: Vardanants St. 17, Yerevan, RA; tel.: (+37411) 900 110 – 101, 102.
Էլեկտրոնային փոստ՝ (электронная почта) e-mail: po@msu.am

БЛИЗОСТЬ И РАЗЛИЧИЯ В ВЫРАЖЕНИИ НЕГАТИВНЫХ ЭМОЦИЙ В РУССКОЙ И АРМЯНСКОЙ ЛИНГВОКУЛЬТУРАХ

Асмик Микаеловна Шатирян
rusphil@ysu.am

К.ф.н., доцент кафедры русского языка (для естественных факультетов)
Ереванского государственного университета
Ереван, Республика Армения

АННОТАЦИЯ

В статье рассматриваются разнообразные способы выражения отрицательных эмоций в русской и армянской лингвокультурах как проявления особенностей жизни и сложившихся на протяжении веков менталитетов обоих народов.
Ключевые слова: лингвокультура, базовые эмоциональные концепты, негативные эмоции, лексико-фразеологическая сочетаемость слов, междометийные фразеологизмы.

Лингвокультура, как известно, – это культура, закрепленная в знаках языка. И еще, лингвокультура – это национально-специфический элемент культуры, нашедший соответствующее отражение в языке и речи носителей этой культуры. Каждый человек, появляясь на свет, становится частицей определенной этнической группы людей и даже независимо от своего желания является носителем данного языка, а значит и представителем данной лингвокультуры. Отражение мира в языке – это коллективное творчество народа, говорящего на этом языке, и каждое новое поколение получает с родным языком полный комплект культуры, в котором уже заложены картины национального характера, мировоззрение, мораль и так далее. Но языковая картина мира отражает реальность через культурную картину мира, которая, как и языковая, для каждого народа индивидуальна, отлична от других. «Путь от всеязыковой реальности к понятию, а далее к словесному выражению неодинаков у разных

народов, что обусловлено различиями истории и образа жизни этих народов, спецификой развития их общественного сознания. Соответственно различна языковая картина мира у разных народов. Это проявляется в принципах категоризации действительности, материализации, и в лексике, и в грамматике. Именно язык реализует, вербализует национальную культурную картину мира, хранит ее и передает из поколения в поколение. Язык фиксирует далеко не все, что есть в национальном видении мира, но способен описать все» [6: 55].

Русский и армянский народы, находясь почти двести лет в составе единого государства, связаны тесными историческими, экономическими и политическими узами. Русский язык для значительной части армянского населения был (а для многих армян и сейчас остается) вторым родным языком, поэтому сравнительный анализ любых значительных аспектов обоих языков (в данном случае способов выражения негативных эмоций в обеих лингвокультурах) служит обогащению, расширению знаний русского языка армянскими учащимися.

Итак, обратимся к важнейшему понятию лингвокультуры – *концепту,* который, по мнению специалистов, являясь носителем памяти народа, обладает еще одной важной особенностью. «Концепт окружен эмоциональным, экспрессивным, оценочным, ореолом», – пишет Маслова, – «это тот «пучок» представлений, понятий, знаний, ассоциаций, переживаний, который сопровождает слово и выражаемое им понятие. Концепт – предмет эмоций, симпатий и антипатий, а иногда и столкновений разных мнений. Между понятиями и концептами нет непроходимых границ» [3: 38]. При определенных условиях, переходя в другой план языка (например, поэтический), приобретая экспрессивно-эмоциональную окраску, обычные слова-понятия становятся концептами. К примеру, (по Масловой) слово *лестница,* которое в поэзии М. Цветаевой из понятия стало концептом.

Начнем с эмоциональных концептов, прямо противоположных основным базовым концептам, выражающим положительные эмоции: радость, счастье, любовь. Последним в силу понятных причин (естественного стремления человека к счастью) в соответствующей литературе уделяется больше внимания, чем негативным. В словаре антонимов М. Львова читаем: радость – горе,

скорбь, грусть, печаль, тоска, огорчение [2: 236–237].

Горе (по словарю Ожегова) – скорбь, глубокая печаль.

Здесь, как видим, толкование основного концепта идет через синонимы. Заметим, что эмоциональные концепты, вступая в сочетание с эпитетами, приобретают еще большую эмоционально-экспрессивную окраску. Вот эпитеты, передающие силу, глубину, продолжительность страдания.

Итак, горе может быть безмерное, безнадежное, безутешное, безысходное, беспросветное, большое, великое, вечное, глубокое, глухое, гнетущее, горемычное (нар.-поэт.), невыразимое, нежданное, неубывное, неизмеримое, неисходное (устар.), неутешное, страшное, темное, ужасное. Эпитеты, говорящие о степени распространения, широте охвата этого явления: вселенское, личное, людское, народное, национальное, человеческое, человечье [1: 97].

Как видим, охват эпитетов, определяющих это негативное явление эмоциональной жизни, огромен. И это естественно, ведь отрицательные эмоции, вызванные как личным горем (болезнями, страданием, смертью близких людей), так и общественным (войнами, природными и социальными катаклизмами), сопровождали жизнь людей всегда. Эти эпитеты, отражающие образное мышление народа, широко употребляются как в устном народном творчестве, так и в оригинальном творчестве писателей. Нередко с легкой руки писателей входят в речевой обиход неожиданные определения. Например, «Отравленная бабьим неусыпным горем разматывалась пряжа дней» (Шолохов. «Тихий Дон»). Или «Для меня в слезах Кисочки, в ее дрожи и тупом выражении лица чувствовалась несерьезная мелодрама, где каждый золотник пустого, дешевого горя заливается пудом слез» (Чехов. «Очки»). Или «Чашу вселенского горя всю расплещи» (Некрасов. «Душно без счастья и горя»). «Я видел только огромное, бессловесное и темное горе этого маленького, захлебывающегося от слез существа» (Паустовский. «Старик в потертой шинели»).

У каждого слова есть своя лексико-фразеологическая сочетаемость, или валентность. Она, выражаясь словами Тер-Минасовой, «дружит» и сочетается с одними словами и/или не «дружит» и не сочетается с другими. «Она (валентность) национальна, а не универсальна, в том смысле, что присуща только данному конкретному слову в данном конкретном языке. Специфика эта становится очевидной только при сопоставлении языков, подобно тому как

родная культура выявляется при столкновении с чужой» [6: 61].

Итак, с какими словами «дружит» концепт *горе*?

Горе можно *влачить,* горе можно *хватить, испить, познать,* с горя можно *заболеть, сойти с ума, умереть.* Если радость можно *доставить,* то горе – *причинить.* В русской лингвокультуре обычно делятся положительными эмоциями: *счастьем, радостью, улыбками* (Поделись улыбкою своей, и она к тебе не раз еще вернется), а отрицательными – нет. Не делятся обычно *несчастьем, страданием, скорбью.* И хотя есть выражение *поделиться своим горем с кем-нибудь,* то здесь скорее делятся информацией о своих невзгодах с целью облегчить душу. Точнее сказать, поведать о своем горе, несчастье. Кстати, в армянском языке есть такое же выражение. В толковом словаре Э. Агаяна читаем: «*Վիշտը թափել, կես անել, վիշտը մեկին հայտնելով թեթևանալ*» [7: 1392].

Следует отметить, что в армянской лингвокультуре горе можно не только *разделить,* но и *взять себе боль, причитающееся кому-то зло, умереть за (ради) кого-то, стать жертвой ради кого-то – ցավդ տանեմ, չարդ տանեմ, մեռնեմ քեզ, մատաղ լինեմ քեզ.* Эти выражения, ставшие в современном армянском обиходе скорее ласковыми обращениями, чем выражением каких-то сильных эмоций, безусловно, имеют очень глубокие корни. После катастрофического спитакского землетрясения в тогдашней советской прессе появлялось много статей, где русские журналисты, потрясенные происходящими событиями, обращались к выражению *ցավդ տանեմ,* вынося его нередко в заглавие статьи. Находим его гносеологические корни: именно в языке такого народа как армянский с его многострадальной историей могло сформироваться подобное высказывание: готовность взять себе боль любимого человека, дабы облегчить его страдание.

Теперь рассмотрим антонимы другого эмоционального концепта – *счастье.* Это – несчастье, беда, опять-таки горе, злосчастье (нар.-поэт.).

В этом синонимическом ряду остановимся на концепте *беда.* То же что и *горе, несчастье* (по словарю Ожегова).

Вот эпитеты, сочетающиеся со словом *беда.* Бедовая (нар.-поэт.), безысходная, большая, великая, всесветная, глухая, горестная, горькая, грозная, жестокая, злая, извечная, неминучая (нар.-поэт.), неожиданная, неотвратимая,

непоправимая, роковая, смертная, суровая, тяжелая, ужасная, черная (уст.) [1: 24].

Как видим, большая часть эпитетов сочетается со всеми синонимами: *горе, несчастье, беда.* Среди них много народно-поэтических. «Не то несчастье чует бабушка Матрена, не то беду бедовую» (Некрасов. «Андрос непутевый») или «Печаль моя всесветная» (Кольцов. «Пора любви»). «Вечерний лес наполнился предчувствием извечной лихой беды» (Васильева. «Исторический триптих»).

Концепт *беда* сочетается со следующими словами. Беду можно *накликать,* в беду можно *попасть,* в беде можно *очутиться,* из беды можно *вызволить, выручить.* Беду можно *отвести* («Искру туши до пожара, беду отводи до удара»). Концепт *беда* представляется нам наиболее персонифицированным («Беда одна не ходит. Пришла беда – открывай ворота»). Большая часть перечисленных выше эпитетов (безысходный, великий, жестокий, злой, лютый и т.д.) сочетается и со всем синонимическим рядом: горе, несчастье, беда, скорбь, печаль. Но только *печаль* может быть еще и *сладостной, сладкой, тихой, светлой* («Печаль моя светла». Лермонтов).

Наконец, рассмотрим антоним третьего базового положительного концепта *любовь – ненависть.* Эти два концепта постоянно существуют рядом (От любви до ненависти один шаг).

Ненависть (по словарю Даля) – чувство сильной вражды и отвращения. Посмотрим, какие эпитеты сопутствуют этому эмоциональному концепту. Бабская (простореч.), безграничная, бездоказательная, безотчетная, безрассудная, безудержная, беспощадная, бессильная, бешеная, брезгливая, великая, гадливая, глубокая, глухая, голая, горячая, дикая (разг.), испепеляющая, исступленная, лютая, неистовая, неистребимая, неисчерпаемая, ненасытная, непримиримая, неугаданная, неукротимая, неутомимая, нечеловеческая, остервенелая (простореч.), откровенная, отчаянная, праведная, ревнивая, рьяная, свирепая (разг.), священная, сильная, скрытая, слепая, смертельная, смертная, справедливая, старинная, страстная, страшная, темная, тихая, тоскливая, тупая, тяжелая, убийственная (разг.), упорная, фантастическая, холодная, ядовитая, ярая (разг.), яростная.

Эпитеты, говорящие о степени распространения, широте охвата данно-

го явления: всенародная, всеобщая, классовая, национальная, общая, политическая, расовая, революционная, религиозная и т.д. [1: 277–278].

Как видим, чувство ненависти поистине безгранично и неукротимо.

В произведениях русских писателей эти эпитеты употребляются очень широко. Например, «Безрассудная, слепая, неукротимая, ненависть густо обволакивала Лесницкого» (Шолохов. «Тихий Дон»). «То была в те дни нерассуждающая, бездоказательная, брезгливая ненависть без всякой политической окраски» (Успенский. «Записки старого петербуржца»). Или «Он чуть не задохнулся от хлынувшей в него ядовитой, как газ, ненависти» (Шолохов. «Тихий Дон»).

Ненависть можно *испытывать, питать к кому-либо,* ненавистью можно *наполниться, гореть, пылать.*

Итак, как видим, русская лингвокультура обладает весьма широким спектром выражения базовых отрицательных эмоций. Теперь обратимся к армянскому языку. В русско-армянском словаре к слову *горе* дается следующий синонимический ряд: *վիշտ, թախիծ, կսկիծ, դժբախտություն, տրտմություն, պատուհաս, դառնություն, ցավ, դարդ.* А вот толкование ключевого слова *վիշտ* у Э. Агаяна: *ծանր կորուստի, աղետի, անհաջողության և այլն պատճառով առաջացող հոգեկան տառապանք* [7: 1392].

Последующие понятия также в основном толкуются через слова того же синономического ряда: *աղետ-վիշտ, դժբախտություն, չարիք, շատ ծանր դժբախտ պատահար.* Почти со всеми словами этого синонимического ряда сочетаются следующие эпитеты армянского языка: *անչափ, անսահման, մութ, սարսափելի, ահավոր, ճակատագրական, մահացու, խորին.* Ненависть – *ատելություն* – помимо уже перечисленных эпитетов имеет и много *других: ցմահ, կրքոտ, թունավոր, հավերժ, մահաբեր, դառնագին, խորը*:

Сравнительный анализ полученных словосочетаний показал, что большая часть их находит отражение как в русской, так и в армянской лингвокультурах. Мы также находим соответствие в некоторых устойчивых словосочетаниях: *վիշտը սգալ, տառապանք կրել, ատելությամբ լցվել, վիշտը*

կարեկցել.

Думается, это говорит как о богатстве языков, так и о некоторой близости мышления обоих народов.

Пока мы рассматривали номинальные способы передачи негативных эмоций: словарные статьи с толкованиями этих понятий; словосочетания с использованием эпитетов, усиливающих эмоциональное воздействие, а также те глаголы, которые с ними «дружат». Отрицательные эмоции в языке могут передаваться и другими, косвенными путями: фразеологическими оборотами, междометиями, междометийными фразеологизмами (причитаниями, проклятиями и т.д.).

Понятие *междометия* в словаре Ожегова дается так: «Неизменяемое слово, выражающее какое-то непосредственное чувство, например, *ах, ох»* [5: 316]. Что касается междометийных фразеологизмов, то во фразеологическом словаре читаем: «Междометийные фразеологизмы – *убей (меня) бог, разрази (меня) гром, лопни (мои) глаза, не сойти мне с этого места, провалиться мне на этом месте* толкуются: клятвенные заверения в чем-либо. Иногда значение междометийного фразеологизма такого типа может быть выражено более точно. Например: *отсохни (у меня) язык, отсохни (у меня) руки и ноги*: клятвенное заверение в том, что сказанное или сделанное – чистая правда. Междометийные фразеологизмы *хоть волком вой, хоть в гроб ложись, хоть в петлю лезь, хоть караул кричи, хоть плачь, хоть пулю в лоб* со значением выражения того или состояния говорящего толкуются: выражение отчаяния, бессилия, невозможности что-либо предпринять, чтобы выйти из затруднительного, тяжелого или безвыходного положения» [4: 14]. Конечно, к этому можно добавить проклятия типа: *чтоб (кто-нибудь) сдох, провалился; чтобы пусто было и т.д.*

Обращаясь к армянскому языку, мы находим широчайший диапазон выражения негативных эмоций, например, междометия: *ախ, օխ, վայ, հարայ, հուրայ, ամաո* и т.д. Междометийные фразеологизмы в армянском языке условно можно разделить на две группы: 1. выражения отчаяния и полной безысходности: *քոռանա՛մ ես; ա՛խ, իմ սև բախտ; վա՛յ, էս ինչ եղավ; վա՛յ, մեր տան լույսը հանգավ; ա՛յ քեզ դժբախտություն; վա՛յ, տունս քանդվեց;*

հ՛այ գիտի հ՛այ; վ՛այ, հայի բախտ; մեռած եմ, թաղած չեմ. 2. *проклятия, пожелания зла врагам: Հողե՛մ գլուխդ; սա՛ղ-ս՛աղ թաղեմ; անիծվե՛ս դու; վ՛այ, քո արևը մարի՛.*

Многие из этих междометийных фразеологизмов имеют очень глубокие корни, например, *Գրողը քեզ տանի* – «чтоб тебя взял Грох» имеет следующее древнее происхождение. Грох – один из богов языческой Армении, который, согласно легенде, забирал души усопших и вносил их в свои списки. Понятно, что смысл этого фразеологизма: *чтобы тебя черт побрал, чтобы тебе умереть.* Или все армянские фразеологизмы со словом *մատաղ* – жертва – восходят к древнему языческому обычаю, существующему в армянской жизни и в наши дни, когда в честь какого-то знаменательного события, избавления, спасения кого-либо режут жертвенное животное и угощают мясом прохожих.

Подведем итоги сказанному. История армянского народа, отличающаяся большим драматизмом и трагизмом, чем русская, отразилась в его лингвокультуре, и поэтому вся эта негативная лексика здесь неслучайна. Ведь многие поколения людей в мгновение ока оказывались у разоренных очагов, лишались домов и становились невинными жертвами обстоятельств и жестоких врагов.

И потому многие из этих междометийных фразеологизмов непереводимы, не имеют в русском языке аналогов. Итак, в сфере вербального выражения негативных эмоций армянская лингвокультура, увы, располагает большим диапазоном, что связано с особенностью истории и сложившимся на протяжении веков менталитетом народа.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Горбачевич К.С., Хабло Э.П.* Словарь эпитетов русского литературного языка. – Л.: «Наука», 1979. – 567 с.
2. *Львов М.Р.* Словарь антонимов русского языка. – М.: Изд-во «Русский язык», 1985. – 381 с.
3. *Маслова В.А.* Введение в когнитивную лингвистику. – М.: Флинта-Наука, 2007. – 295 с.

4. *Молотков А.И.* Фразеологический словарь русского языка. – М.: Изд-во «Советская энциклопедия», 1967. – 541 с.
5. *Ожегов С.И.* Словарь русского языка. – М.: Изд-во «Русский язык», 1978. – 846 с.
6. *Тер-Минасова С.Г.* Язык и межкультурная коммуникация. – М.: «Слово», 2008. – 624 с.
7. *Աղայան Է.Ա.* Արդի հայերենի բացատրական բառարան: – Եր., «Հայպետրատ», 1976: – 2048 էջ:

ՌՈՒՍԱԿԱՆ ԵՎ ՀԱՅԿԱԿԱՆ ԼԵԶՎԱՄՇԱԿՈՒՅԹՆԵՐՈՒՄ ԲԱՑԱՍԱԿԱՆ ՀՈՒՅԶԵՐԻ ԱՐՏԱՀԱՅՏՄԱՆ ՆՄԱՆՈՒԹՅՈՒՆՆԵՐՆ ՈՒ ՏԱՐԲԵՐՈՒԹՅՈՒՆՆԵՐԸ

Հ.Մ. Շատիրյան
rusphil@ysu.am

Բ.գ.թ., դոցենտ
Երևանի պետական համալսարանի ռուս բանասիրության ֆակուլտետի ռուսաց լեզվի ամբիոնի (բնագիտական ֆակուլտետների համար) դոցենտ
Երևան, Հայաստանի Հանրապետություն

ԱՄՓՈՓՈՒՄ

Ներկա հոդվածում ուսումնասիրվում է ռուսական և հայկական լեզվամշակույթներում բացասական հույզերի արտահայտման ձևերի բազմազանությունը՝ որպես երկու ժողովուրդների կյանքի առանձնահատկությունների և դարերի ընթացքում ձևավորված մտածելակերպի արտացոլում:

Բանալի բառեր՝ լեզվամշակույթ, հիմնարար հուզային կոնցեպտներ, բացասական հույզեր, բառապաշարային-

դարձվածաբանական զուգակցվողություն, ձայնարկուական դարձվածքներ:

SIMILIARITIES AND DIFFERENCIES IN EXPESSING NEGATIVE EMOTIONS IN RUSSIAN AND ARMENIAN LINGUISTIC CULTURES

H. Shatiryan
rusphil@ysu.am

PhD in Philology, Associate professor at the Department of Russian Language (Faculties of Natural Sciences), Yerevan State University
Yerevan, Republic of Armenia

ABSTRACT

The article discusses various ways of expressing negative emotions in Russian and Armenian linguistic cultures as manifestations of the characteristics of life and the mentalities of both peoples that have developed over the centuries.
Keywords: linguistic culture, basic emotional concepts, negative emotions, lexico-phraseological compatibility of words, interjectional phraseological units.

Информация о статье:
статья поступила в редакцию 05 июня 2019 г.,
подписана к печати в номер 4 (8) / 2019 – 28.06.2019 г.